

СОН В ПУСТЫНЕ

Когда в наши дни говорят, что литература есть дело пророческое, смеются или возражают, что это – притязания или устарелость... Но – не притязания и не устарелость, но – очевидная, в очень близком будущем, истина.

Если литература есть творчество, она тем самым есть и пророчествование. Т. е. знание. Настоящего? Прошедшего? С этим помирилось бы будничное сознание наших бесплодных дней. Настоящее можно наблюдать, прошедшее – изучать... А будущее? – неизвестно!

Так изумительно простодушная европейская мысль – безрелигиозная, отрицающая знание.

Литература – знает. В творческом колебании страстных сил писателя.

Кто не знает, – тот не пророк. Литератор? Журналист?

Да, если литература в газетах и «текущей» беллетристике, то надо поставить над нею крест и назвать суетой, одной из житейских сует. Пусть же этой суетной веры и держатся суетные сердца. Но кто думает иначе, пусть и говорит иначе.

Русская литература внушена духом пророческим: ветхозаветным и новозаветным. Этим духом напоилась, им и двигалась. В такой уверенности, может быть, снова – наше спасение, как, ещё недавно было спасением думать, что «великий язык» даруется лишь «великому народу».

Мы унижены. В нашем унижении не потеряем надежды. Вера в русскую литературу спасёт нас.

Был Киев – и русская песня пела Киев.

Был Новгород – и русская песня пела Новгород.

Стала Москва – и во славу Москвы творились национальные сказки.

К московским сказкам нам внушали относиться доброжелательно. Реакция. Другое дело – Киев или Новгород!.. Становясь образованнее, мы узнавали – сказки и песни (и сколько волшебного-пророческого!) о Ростове, Смоленске, Муроме, Рязани...

Вся многопространная Россия была овеяна сказками и песнями. Исторические перемещения жителей одних областей в другие не рассеивали этот пророчески-певучий воздух, но сгущали в одно проникновенное знание. Мы называем это знание народной поэзией... Мы её почти не изучали, а пророческой сути её почти не коснулись, но всё же с детских лет приучены были запоминать и рассказывать «своими словами». Национально влюбиться? Так, как влюблены были в свою певучую народность греки? Нет, с этим соблазном мы со всех сторон боролись: и с научной, и с политической – и даже, благословясь – с культурной!

«Национализм – зло»... Кажется – первая по счёту заповедь нашего просвещённого идеализма. И – уж, конечно, – «устарелость»!

В либеральной (вернее всего выразиться пустынно либеральной) борьбе с реакцией попросту – с петербургским самодержавием, – мы ничего не изучили, ничем в себе не пленились, – и вот – сейчас всё прогадали!

Что уж было говорить о пророческой страстности нашей литературы, когда мы её просто не полюбили со страстью великой нации, когда мы относились к ней как к мелкопоместной, туземной словесности, преклоняясь перед самой жалкой европейской стряпнёй, – до тех пор, пока сами иностранцы не указали нам на нас же самих. Указали на то, что нельзя было не видеть, что высылось надо всем миром, как откровения вселенского смысла... Или мы ещё очень молоды, – и вся наша жизнь ещё впереди?

Только двадцать лет тому назад – не больше – мы заговорили о «равноправности» русской литературы «наряду» с западными.

Теперь пора сказать об её пророческой сути.

Теперь, – в дни нашего опустошения.

Опустошения... О, конечно, – для будущего!

Потому что не может быть, чтобы народ такой предвещающей литературы – погиб, не свершив её предвещаний!

Все пророческие определения русской литературной сути, в целом и в отдельности её явлений, очень скоро откроются нам в той пустыне, в которую мы теперь вступаем. Сейчас они ещё мерцают – как в пустынном облаке. Но мы уже ощущаем это определения, сами того не ведая, – лепеча их младенческим языком.

Киев. Мы помним и даже пленялись (насколько сами себе позволяли). Новгород. – Менее, – но всё-таки помним; в последнее время – впечатлительнее, чем ещё недавно.

Москва. Помним, помним! Дозволялось... Открещивались.

Петербург... Где его песни и сказки? Старая школьная формула врезалась в нас, как тупое остриё. Народная поэзия и «литература», разделённая Ломоносовым; Пушкин соединил два не сходящиеся пути. Вольная песня пела Киевскую и Новгородскую Русь, в Москве – окаменела, и окаменела в Петербурге. Петербург рождает литературу в пыли академических кабинетов...

Пушкин – первый национальный поэт...

Всё это так и не так. Пророческая суть ещё в пустынном облаке. Ещё мерцает. ■

Где завязалась русская история? Об этом академия наук не знает с твёрдостью. Но уже не с прежней простотой говорит ■ о крещении Руси в Днепровских водах...

Петербург и Новгород – два, ■ или одно?

Путь от варягов к грекам был спокон веков соединением Петербургской России с гнездом пророческой культуры.

Киев был ближе, чем Новгород; отодвинутые от Киева двинулись назад на север, – осели в Москве, чтобы двинуться снова – к Новгороду – в Петербург.

Окно в Европу.

Не «выдумка» Петра, как изощрялись славянофилы, а – «история России с древнейших времён».

Мы не так давно выучили: древняя Россия не только Киев, но и Новгород; давно затвердили почти бессмысленно и грубо: И – Москва...

Теперь наконец выучим: и – Петербург.

Новгород – Киев – Москва, – Петербург или Новгород, придвинутый к морю!

А четвёртому не быть! Или – не быть – России. Об этом-то и мерцают пророчества в пустынном облаке, – как сон в пустыне. Народная песня, перенесённая волей судеб на север, тянулась к Киеву, пела Киев в лесах и полях Онежских и Архангельских. Письменность слагала сказания о Москве, которая выросла на костях Новгородских, попирая эти древнейшие русские кости. Но, впитав новгородские соки, Москва обернулась Петербургом, когда Пётр перенёс столицу на древнее пепелище, приблизив Новгород к морю. Московская письменность сменилась петербургской литературой в поэзии архангельского мужика...

Ломоносов и – былины. Что общего?

Однако мы уже «выучили», что киевская песенность и московская письменность – не два разные мира; и самым школьным образом знаем зависимость Ломоносова от Москвы.

Архангельский мужик, превратившийся в манерного академика, начинатель новой литературы – слагал в классических одах петербургские сказания... И – как подхватил их Пушкин! Как пророчески неразъединимы: Пётр, Ломоносов, Пушкин!

Невидимый град Китеж воплощается в петербургских былинах Ломоносова (или во что бы то ни стало – называть их одами?). Москва дождалась исполнения своих судеб не в очаровании киевского солнечного княжества и не в патриархально-жестокой идиллии Домостроя, но в нежданно исполнившемся смутном сне о прозрачном городе, поднявшемся из воды. И к нему-то, а не к самой Москве относилось заклинание: четвёртому не быть!

С какой «исступлённо», с какой неистовой страстностью тянулись к Петербургу Гоголь, Достоевский, Некрасов!

Как первобытные восторги звучат Петербургские былины Ломоносова, но уже как встревоженные прорицания – и петербургская эротика и апофеозы Пушкина («Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид... люблю... Краса и диво... Красуйся... и стой непоколебимо как Россия!.. На высоте над самой бездной – Россию вздёрнул на дыбы!»)

В этой встревоженности – уже есть доля исступления Достоевского, Гоголя, Некрасова.

И больше всего – Достоевского! которого, кажется, и не было бы, если бы Московская Русь не стала Петербургской Россией. Так же, как и Пушкина.

Остался бы Дневник Писателя с царьградскими буффонадами, и не было бы глубокомысленного бреда Раскольникова, Мышкина, Ставрогина, Долгорукова.

Не было бы Пушкина.

Восторженность Ломоносова – радость первого увидавшего
подымающийся из мутных морских вод прозрачный город.

Встревоженность Пушкина преображалась счастьем первой любви.

И то, и другое – утверждения. Душа Петра, героя – единственного, во всех веках, исторического мифа, нашла два поэтических восторга, две ответные песни петербургской судьбе России.

Остальные смутились предчувствием её страдальческих путей. И не потому, что их отравили германизованные размышления славянофилов, тнявших на старый московский перекрёсток!

Нет! литература сама по себе, в своём творческом знании есть дело неоспоримо пророческое. И не надо ей для полноты её *знания* – сторонних веяний и «размышлений».

Нам же следует её пророческое знание, как можно бережнее разгадывать, чтобы не ошибиться в его истинном смысле.

Восторженность – влюблённость – и тоска: вся полнота человеческой страстности.

Не может быть, чтобы народ, исполненный такой страстности, не был великим народом?

Вернуться в Москву?

Чтобы опять снился тот же неотступный сон – обетованная земля: солнечное княжество или прозрачный город, опрокинутый в воде, – и второе властительнее, чем первое?

И ещё исступлённее, чем прежде! **потому что** мы *его* уже видели! **потому что** мечта уже совершилась наяву!.. потому что и сейчас ещё, кажется, не поздно, – удержать этот улетающий призрак – нашими руками!

Владимир Гиппиус.